

Н.Л. Пушкарева

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Повседневный быт конца 1950-х – 1960-х годов
в социальной памяти женщин-ученых
новосибирского Академгородка**

История Академгородка под Новосибирском началась в 1957 г. с постановления Бюро ЦК КПСС о создании Сибирского отделения АН СССР и строительства научных учреждений в 25 км от Новосибирска, причем сразу с благоустроенным жильем для сотрудников в сосновом бору на берегу Обского водохранилища. О том, какой путь прошла сибирская наука за прошедшие с тех пор 65 лет, написаны многочисленные исследования. Но «женский голос» мемуаристов в них почти неслышим. Даже первая публикация о женских именах сибирской науки – это исследование научного творчества и организации научных школ, отчасти – пересказ судеб ученых, но в них совсем не затронута женская обыденность и научный быт [2].

Вот почему эвристически ценно обратиться к *женской социальной памяти* об истории создания того уникального локуса междисциплинарного общения, каким был Академгородок. Воспоминаний женщин численно несопоставимо меньше, чем воспоминаний мужских, со всеми типичными для мужских текстов чертами – меньшим вниманием к истории повседневно-бытового, с желанием пересказывать скорее события истории науки, нежели личностные переживания. Но женские мемуары есть, и они ценны тем, что содержат повседневную рефлекссию и переживания, связанные с бытовыми практиками.

Первые жилые пространства для ученых технических и естественно-научных специальностей вырастали одновременно с закладкой зданий для НИИ начиная с лета 1958 г. Это были первые 6 домиков для ученых и избушка для семьи М.А. Лаврентьева, в которой жена академика подушками закрывала от метели окна... Не-

которые из ученых, формулируя отказ от предложения переехать из Москвы в Сибирь, ссылались на жен: *«Я-то согласен, но вот моя жена – ни в какую!»*. Насильно никого не отправляли, но на подобные отказы были готовые ответы: *«В Сибири много прекрасных женщин, и они смогут вам заменить несговорчивую супругу!»*.

Из прибывших в конце 1950-х по объявленному для людей науки призыву более 60% составлял неорганизованный поток мужчин; 14,5% – «прибывшие по семейным обстоятельствам» (после развода, по необходимости разъехаться со старшим поколением и т.п.), 8,5% – молодые специалисты по заранее объявленным направлениям, 9,3% – прибывшая на учебу молодежь, привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [4].

Строящийся с 1957 г. поселок стал поначалу локусом смешения социальных страт, совместного проживания молодых научных работников и строительных рабочих «Сибкадемстроя», созданных по комсомольскому набору. Приехавшие весной и осенью 1958 г. поселялись в палатках, зиму с 1959 на 1960 г. им пришлось провести в деревянных бараках и щитовых домиках, поставленных прямо в лесу или на берегу Обского моря *«Снегу было так много, что иногда поутру невозможно было открыть входные двери. Их все-таки открывали, и мужчины, а иногда и женщины, разгребали снег на дорожках, ведущих к дровам, к куче угля, к столовой, к производственным помещениям, и чистили дорогу, ведущую в строящийся городок...»*.

Даже примерную численность женщин в Городке в момент его создания подсчитать сложно. На сохранившихся фотоснимках женщин среди строителей немало, и они одеты в простую одежду, не похожую на одежду женщин из среды интеллигенции: все они в косынках, платках, в отличие от представительниц семей ученых – те на снимках со стрижками, с непокрытой головой [1]. Кого-то из жен, отправившихся вслед за мужьями, другим женщинам, уже переехавшим, приходилось уговаривать. *«Я должна была убедить их, что в Новосибирске у них будет интересная жизнь...»*, – признавалась одна из первых женщин-академиков, математик П.Я. Кочина [3].

Магазинов в растущем городке не было, снабжение осуществлялось через систему совместных заказов на всех, организацию таких закупок брали на себя приехавшие из столиц со своими мужьями-учеными жены. Им же приходилось продумывать последовательность использования бани, пока все приехавшие жили в полупоходных условиях и «воду ведрами таскали из Зырянки и печи топили собственноручно заготовленными дровами». Еще одной сложностью оказалось отсутствие роддома, ясель и детских садов. *«Семейные сотрудники институтов, не понимали, что им делать. Как работать, как жить. У подавляющего большинства не было бабушек, и детей не на кого было оставить»*, потому неудивительно, что «первый неофициальный детский сад» устроили сами жены ученых под руководством первой леди Академгородка, В.Е. Лаврентьевой.

Вспоминая позже то непростое время, «сибирские академики» (как их позже называли жители Академгородка) полагали, что их пространство повседневности было пространством свободы: *«мы жили на свободе; свобода творчества и свобода жизни – это все взаимосвязано»*. На пустыре между строящимися и жилыми домами была открытая сцена-площадка, на которой не только в вечернее, но и в обеденное время можно было увидеть танцующих: «строители Академгородка приносили патефон, ставили пластинки и приглашали девушек танцевать – отказов не было». По советской традиции корпоративности научных учреждений, жены ученых сами были научными сотрудницами или выполняли какую-либо близкую к научной сфере работу в административном аппарате институтов, *«каждая имела какую-нибудь специальность»* (хотя и *«не все сумели найти на новом месте подходящее для себя занятие, одни сделали только женами»*).

Если следовать известному уже полвека определению сути нашей науки, данному М.О. Косвеню («этнография – это наука о мелочах») [5], то проведенный анализ истории эволюции пространства повседневной жизни с точки зрения женского восприятия и женского типа меморизации имеет познавательное значение. Ныне лучше можно понять *бытовой контекст* складывания того уникального

феномена в истории отечественной науки, каким был новосибирский Академгородок в период политической оттепели и ранней стагнации – «это была «форма жизни». Корпоративная научная среда, взаимопомощь и тесные дружеские связи интеллектуальной элиты позволили сформировать особый тип культуры повседневности, в которой любые ограничения для женщин могли быть продиктованы не столько гендерными установками, сколько собственными желаниями, амбициями, способностями и внутрисемейными правилами. История Академгородка доказала, что ученые там имели высокий социальный статус и определенный набор привилегий (поездки за границу, спецснабжение, благоприятные жилищные условия, карьерные преимущества для детей). Они зачастую ставили в зависимость жен ученых от их мужей, диктуя условия сохранения брака и становясь тормозом в карьере (не получать ученой степени или звания раньше мужа, не переходить дорогу супругу). В совокупности с общими советскими семейными установками, предполагавшими выполнение именно женщинами домашней работы [6], это было причиной того, что руководящие должности, известность и признание получали почти исключительно мужчины-ученые, а их жены были для них поддержкой и опорой.

Подготовлено по гранту РФФИ 19-09-00191, Программе НИР ИЭА РАН, Программе РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

Список источников и литературы

1. Володарская Е.А., Разина Т.В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 1. С. 125–127.
2. Запороженко Г.М., Шелегина О.Н. «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 237–250.
3. Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974.
4. Марчук О.Н. Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997.
5. Чеснов Я.В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 6–9.